

О ДРЕВНЕЙШИХ КИРИЛЛИЧЕСКИХ АБЕЦЕДАРИЯХ

А. А. Зализняк

Москва

§1. Замечательная статья Н. Н. Дурново (1929) «Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов», идеи которой были развиты далее в работах Дурново 1930 и Трубецкой 1954, показала, в частности, сколь важно для славистики внимательное изучение древних абecedариев.

С тех пор стало известно значительное число новых славянских абecedариев раннего периода. Отметим важнейшие из них. Появилась работа Бэк-лунд 1942 (перепечатанная в 1976 г.), где опубликован ранее лишь понаслышке известный славистам абecedарий Дивиша (иначе Стокгольмский), состоящий из глаголической и кириллической частей. Открыты азбука на стене Софии Киевской (Высоцкий 1976), Преславский глаголический абecedарий (неоконченный) (см. о нем прежде всего Медынцева, Попконстантинов 1984), Синайский глаголический абecedарий (неполный) (в новооткрытой глаголической рукописи XI–XII вв., о которой см. Тарнанидис 1988: 91–100; комментированное издание этого абecedария ныне готовит Р. Марти). Но наибольшее количество новых азбук принесли берестяные грамоты: полный алфавит содержат новгородские берестяные грамоты № 199, 201, 205, 460, 591, 778, а также берестяная грамота № 24 из Старой Руссы и цера (деревянная дощечка с воском) XIV в., неполный — № 74, 200, 444, 576, 783 (не считая малых фрагментов), а также свинцовая грамота № 2 и берестяная грамота № 25 из Старой Руссы. См. работу Янин 1984, посвященную в первую очередь древнейшей из этих азбук — грамоте № 591.

Настоящая статья содержит обзор полных (точнее, доведенных до конца) кириллических абecedариев раннего времени (до XIV в. включительно). Сведения о неполных абecedариях даются лишь выборочно.

Поскольку, однако, разбор кириллических абecedариев в полном отрыве от глаголических был бы явно неполноценным, мы сочли необходимым вначале дать краткий обзор древних глаголических абecedариев. Подчеркнем лишь, что этот обзор носит в рамках настоящей работы вспомогательный характер, а имен-

но, он нужен лишь как предварительный этап для разбора кириллических азбук; соответственно, он не претендует на глубокий анализ связанных с первоначальной глаголицей проблем и посвященной им обширной научной литературы.

§ 2. Оговорим некоторые общие положения. Чтобы несколько уменьшить распространенное в данной области дублирование терминов, условимся применять термин «алфавит» только к абстрактному ряду букв, а термин «абecedарий» — к конкретному, т. е. выписанному в некотором конкретном памятнике (в частном случае памятник может состоять просто из абecedария). Для термина «азбука» мы вынуждены сохранить традиционную двусмысленность: он может служить синонимом как для «алфавит», так и для «абecedарий».

Далее, необходимо различать: 1) алфавит; 2) полный инвентарь букв, используемых в некотором классе памятников. Существенно здесь не то, что алфавит упорядочен, а инвентарь букв — нет. Главное различие состоит в том, что алфавит представляет собой некоторый закрепленный культурной традицией список, функционирующий как канонический текст (качественно подобный, например, молитве, заговору, этикетной формуле и т. п.). Текстам такого рода обучают; они обладают большой устойчивостью. Новшества проникают в них с трудом и с некоторым опозданием против нужд практики. Поэтому, в частности, преподаваемый ученикам алфавит может, с одной стороны, содержать буквы, которые в данную эпоху уже вышли из практического употребления, с другой — не содержать букв, которые реально употребляются, но которых еще не было, когда складывался традиционный состав алфавита. Некоторые расхождения между преподаваемым в школах алфавитом и реальным узусом возможны даже в современную эпоху. Но они были гораздо значительнее в средние века, когда престиж всего того, что закреплено традицией, был несравненно выше.

Особую частную проблему составляют диграфы (типа *ou*, *ы*) и буквы, складывающиеся из частей, из которых одна или обе совпадают с самостоятельными буквами (типа *ю*, *я*, *ы*). Обычно такие единицы в момент формирования алфавита не получают статуса самостоятельных его членов, иначе говоря, трактуются как буквосочетания, а не как единые буквы. Но в дальнейшем как правило появляется тенденция трактовать их как единые буквы, в результате чего они с течением времени постепенно начинают включаться в алфавит.

Таким образом, из того, что в абecedарии некоторого времени нет какой-то буквы (скажем, *ь*), еще нельзя заключать, что ее не было и в письменной практике этого времени. Еще менее основательно делать подобное заключение из отсутствия в абecedарии составной буквы (типа *ю* или *ы*).

КРАТКИЙ ОБЗОР ГЛАГОЛИЧЕСКИХ АБЕЦЕДАРИЕВ

§ 3. Вопрос о первоначальном составе глаголического алфавита — предмет непрекращающейся научной дискуссии, со значительными расхождениями точек зрения по целому ряду пунктов. Но для настоящей работы нет необходимости погружаться в эту проблематику. Мы ограничиваемся приведением самих ис-

точников, постоянно используемых в данной дискуссии, а именно, глаголических абecedариев, а также азбук, извлекаемых из некоторых древних сочинений.

Правда, сам способ представления этих источников уже до некоторой степени зависит от выбранной точки зрения на древнейший состав алфавита. Поэтому следует указать, что в данном вопросе мы в целом придерживаемся той линии, которая восходит к Дурново и Трубецкому (несмотря на наличие у этой линии многочисленных противников среди славистов более традиционного направления). Приводимая ниже таблица 1 лишь в немногих пунктах отличается от таблицы в работе Бэклунд 1976, которая, в свою очередь, непосредственно опирается на таблицу в работе Дурново 1929 (с учетом поправок к ней, сделанных самим Дурново).

Строение таблицы 1 таково.

В первой графе даны 36 букв, входивших, согласно реконструкции Трубецкого (1954: 22), в исходный состав глаголицы. Первые 29 из них расположены в цифровом порядке. Для остальных семи мы следуем порядку, предложенному Трубецким, с одним отклонением: њ поставлен перед њ, а не после него (см. об этом подробнее ниже). При глаголических буквах в скобках даны их кириллические соответствия, традиционно используемые при транскрибировании, — кроме Ѡ и ѡ, для которых взяты символы, введенные Трубецким: Ѡ и ѡ.

Последующие графы таблицы соответствуют отдельным источникам.

Азбучная молитва Константина Болгарского — акростих конца IX — нач. X в.; древнейший список (Синодальный) — конца XII в. См. Куев 1974. Начальное слово акростиха выписано только для букв, связанных с теми или иными проблемами. В простых случаях мы выписываем только начальную букву. В двух случаях (М и Ѡ) в скобках с пометой «Яр.» приведены в качестве вариантов соответствующие начальные слова из азбучной молитвы Ярославского молитвенника XIII в. (Ярославский музей-заповедник, № 15481); см. Соболевский 1910: 13–15.

Трактат «О письменех» черноризца Храбра — сочинение конца IX — нач. X в.; древнейший список 1-й редакции — 1348 г., 2-й редакции — XV в., 3-й редакции — XIII–XIV вв. См. Ягич 1895: 9–31. В таблицу 1 включен алфавит, приводимый во 2-й редакции. Он состоит из двух отдельных частей; в древнейшем списке данной редакции (РГБ, фонд 173 [Моск. дух. акад.], № 145) об этом сказано так (даем с современной пунктуацией): Ѡ си^х сѣть Ѡд пш^овна гречьскымь писменемь, сѣт же си: а в г д е з и т к л м н о п р с т оу ф х ѡ и (в ркп. и) пѣ хлѣ тѣ, а д і (в ркп. а г и) по словенскѣ азбукѣ, си: б (в ркп. в) ж з л ц ѵ ш ѣ шѣ мѣ њ ѣ ѡ ю ѧ. Таким образом, способ соединения этих двух списков в единый алфавит из сведений Храбра не вытекает. Поскольку Храбр сообщает, что общее число букв славянского алфавита — 38, в дошедшем до нас списке букв «по словенску языку» какой-то один из членов лишний.

Abecenarium bulgaricum (или Парижский) — глаголическая азбука с названиями букв в латинской рукописи XI–XII вв. из Парижской нац. библио-

теки (Ms. 2340), ныне утерянной. См. Ягич 1911: 135 и факсимиле в табл. VII, № 16.

Мюнхенский абecedарий — кириллическая и глаголическая азбуки, вписанные в латинскую рукопись конца X — нач. XI в. из Мюнхенской госуд. библиотеки (Cod. Latin. 14485). Вписано, вероятно, в XII в. Писавший не владел славянским письмом, очертания многих букв сильно искажены. См. Дурново 1930 (имеется снимок).

Абecedарий Дивиша (или Стокгольмский) — глаголическая и кириллическая азбуки, вписанные в так наз. Codex Gigas (латинский) из Стокгольмской королевской библиотеки. При глаголических буквах даны их названия. Манускрипт написан в 1-й трети XIII в. в Подлажицах в Чехии, затем находился в монастыре в Бржевнове, потом в Праге; в 1648 г. был увезен в Швецию. Как гласит запись, обе азбуки вписаны по указанию аббата Дивиша. Аббатов с таким именем в Бржевнове было два: в 1360—1366 гг. и в 1385—1408 гг. Этим определяется датировка абecedария. См. Бэклунд 1942 и 1976 (имеется снимок).

В табл. 1 (а также 2) скобкой, охватывающей две или три строки, отмечены отрезки соответствующего абecedария, где буквы переставлены (по сравнению с другими абecedариями).

Примечания к таблице 1. В большинстве случаев в таблице использованы общепринятые в печати формы глаголических и кириллических букв. Но в нескольких случаях мы всё же сочли необходимым воспроизвести графические особенности оригиналов. Таковы в Мюнх. абeced.: ѿ (а не ѿ), П (а не Ш), и (а не ц), р (а не њ), ж (а не ж), также ꙗ — особая буква (после ѿ); в абeced. Дивиша: М (а не ѿ) (в кириллице), ч (а не ш), ꙗ (а не њ), также ѿ — особая буква (после ѿ).

В абесен. bulg. между буквами ѿ и ѿ фактически стоят две буквы (ѿ и ѿ) и над ними два названия (*ot* и *pe*), но это явно результат пропуска, с одной стороны, двух букв, с другой стороны, двух названий (относящихся, однако, не к этим буквам).

В Мюнх. абeced. из-за графических искажений некоторые буквы опознаются лишь предположительно; они помечены знаком «?». Кириллическая буква после њ остается неустановленной (согласно Дурново, это сильно искаженное ѿ, но не исключено также, что это не что иное как графическая модификация глаголического члена данной пары, т. е. ѿ). Относительно кириллического ꙗ см. также ниже.

В абeced. Дивиша глаголическое ѿ представлено в двух вариантах: обычном и заимствованном из латинского алфавита. Название буквы ѿ может быть прочтено как *uct* или как *uet*. При названиях *ger*, *yat*, *yus* даны еще приписки: *titl*, *ya*, *yu* (очевидно, разъяснения); в таблице они приведены в скобках.

В качестве дополнения приведем также неоконченный Преславский абecedарий (1 пол. X в.): + ѿ ѿ ѿ ѿ ѿ ѿ ѿ ѿ ѿ ѿ (= М) ѿ ѿ ѿ ѿ ѿ ѿ (по книге: Медынцева, Попконстантинов 1984: 49—54). Он содержит 18 букв (от а до п) и полностью совпадает с начальной частью Мюнх. абeced.

ДРЕВНЕЙШИЕ ГЛАГОЛИЧЕСКИЕ АБЕЦЕДАРИИ И РОДСТВЕННЫЕ ИМ ИСТОЧНИКИ

Глаголица в цифровом порядке	Азбучная молитва	Храбр (2-я ред.) «полобны греч.»		Abecedarium bulgaricum	Мюнхенский абecedарий		Абecedарий Дивиша	
		«по слав. языку»			глаг.	кир.	глаг.	кир.
1	А (а)	А	А	† as	†	А	† az	А
2	Б (б)	Б	Б	Ѣ bǫcobi	Ѣ	Б	Ѣ buky	Б
3	В (в)	В	В	Ѵ uédde	Ѵ	В	Ѵ widi	В
4	Г (г)	Г	Г	Ѷ glágoli	Ѷ	Г	Ѷ glagole	Г
5	Д (д)	Д	Д	Ѧ dǫbro	Ѧ	Д	Ѧ dobro	Д
6	Е (е)	Е	Е	З hiést	З	Е	З gest	Е
7	Ж (ж)	Ж	Ж	Ѧ giuete	Ѧ	Ж	Ѧ zzywyte	Ж
8	З (з)	ѢѦЛО	Ѣ	Ѧ zéllо	Ѧ	Ѣ?	Ѧ zelo	Ѣ
9	И (и)	И	И	Ѧ zémia	Ѧ	И	Ѧ zemla	И
10	ИЖЕ (и)	ИЖЕ	И	Ѧ íse	Ѧ	И	Ѧ yzze	И
20	И (и)	и проситъ	И	Ѧ ísei	Ѧ	И	Ѧ i	И
30	И (и)	(Яр. геоны) ЛЕТИТЬ	Л	—	М	И	М ge	М
40	К (к)	К	К	Ѓ cáco	Ѓ	К	Ѓ kako	К
50	Л (л)	Л	Л	Ѧ lúddie	Ѧ	Л	Ѧ ludy	Л
60	М (м)	М	М	Ѧ mustlíte	Ѧ	М	МѦ myslyte	М
70	Н (н)	Н	Н	Ѧ nas	Ѧ	Н	Ѧ nass	Н
80	О (о)	О	О	Ѧ on	Ѧ?	О	Ѧ on	О
90	П (п)	П	П	Ѧ pócoi	Ѧ	П	Ѧ pokoy	П
100	Р (р)	Р	Р	Ѧ recí	Ѧ	Р	Ѧ rczy	Р
200	С (с)	С	С	Ѧ cslǫuo	Ѧ	С	Ѧ slowo	С
300	Т (т)	Т	Т	Ѧ tordo	Ѧ	Т	Ѧ trdo	Т
400	У (у)	УПОСТАСЬ	У	Ѧ hic	Ѧ	У	Ѧ u[c]t	У
500	Ф (ф)	Ф	Ф	Ѧ fort	Ѧ	Ф	Ѧ frt	Ф
600	Х (х)	ХЕРОВЬСЬК	Х	Ѧ [пропуск]	Ѧ	Х	Ѧ chyr	Х
700	Ц (ц)	Ц	Ц	[пропуск] ot	Ѧ?	Ц	Ѧ ot	Ц
800	Ч (ч)	ЧУВАЛЬ (Яр. ПЬСНЫМ)	Ч	[пропуск] pe	Ѧ	Ч	Ѧ sstyа	Ч
900	Ц (ц)	Ц	Ц	Ѧ [пропуск]	Ѧ	Ц	Ѧ ci	Ц
1000	Ч (ч)	Ч	Ч	Ѧ sargaué	Ѧ	Ч	Ѧ czrw	Ч
2000	Ш (ш)	ШЕСТОКРИЛАТЬ	Ш	Ѧ sa	Ѧ	Ш	Ѧ ssa	Ш
	Ъ (ъ)	ШЕСТВОУЖ	Ъ	Ѧ hiér	Ѧ	Ъ	Ѧ ger (titl)	Ъ
	Ь (ь)	ШЕСТВОУЖ	Ь	Ѧ pellér	Ѧ	Ь	—	Ь
	Ъ (ъ)	ИМЕНИ НАВЪ	Ъ	—	ѦѦ	Ъ?	—	Ъ
	Ъ (ъ)	НАВЪ	Ъ	Ѧ hiet	Ѧ	Ъ	Ѧ yat (ya)	Ѧ
	Ъ (ъ)	ХВАЛА	Ъ	[см. после Ш]	Ѧ	[?]	—	Ъ
	Ъ (ъ)	ИЖЕ	Ъ	[см. после Р]	Ѧ	[ю]	—	Ъ
	Ъ (ъ)	ЮНЪ	Ъ	Ѧ iusz	Ѧ	Ъ	Ѧ yus(yu)	Ъ
	Ъ (ъ)	АЗЪКЪ	Ъ	Ѧ hie	ѦѦ	Ъ	—	Ъ
			Ъ		ѦѦ	Ъ		Ъ

§ 4. Отметим те пункты в таблице 1, где мы сочли нужным отклониться от решений Дурново и Трубецкого.

Несколько таких пунктов касаются Мюнхенского алфавитара.

Согласно Дурново, на 8-м и 9-м местах в кирилловском алфавите здесь стоит одна и та же буква — з. Мы полагаем, однако, что писавший всё же имел здесь в виду два нетождественных изображения: первое с угловатой головкой (как у з), второе — с круглой (как у з); кроме того, на хвосте у первой буквы виден маленький поперечный штрих — возможно, в оригинале здесь имелся полноценный пересекающий штрих. Таким образом, на 8-м месте скорее всего стояло **з** (в отличие от з на 9-м).

В работе Дурново 1930 буквы после ц (занимающего в обоих алфавитах 27-е место) интерпретируются так:

28.	ѡ П (ѡ+ш)	ѡ
29.	Ѣ (ѣ)	ш
30.	Ш (ш)	ѣ (= ѣ)
31.	Ѥ (ѥ)	ѣ
32.	Ѧ (ѧ)	ѣ

Соответственно, Дурново вынужден признать перестановку в глаголическом ряду на местах 29–30 (ѣ—ш вместо ш—ѣ) и объявить глаголическо-кириллические соответствия в 31 и 32 просто ошибочными. Кроме того, остается непонятным, зачем к ѡ приписано ш.

Мы полагаем, что места 28–32 могут быть реинтерпретированы намного более естественным образом:

28.	ѡ (ѡ)	ѡ
29.	П (ш ₁)	ш
30.	Ѣ (ѣ)	ѣ (= ѣ)
31.	Ш (ш ₂)	ѣ
32.	ѤѦ (ѧ)	ѣ

Ошибочных и перекрестных соответствий в этом случае нет. Имеется, правда, следующее неожиданное соотношение: различию кириллических ш и ѣ отвечает различие глаголических П и Ш (см. об этом ниже). Что касается соответствия ѣ — **ѤѦ** (ѧ), то оно укладывается в рамки реально встречающихся в южнославянской письменности колебаний: 1) ѣ вместо ѣ чрезвычайно распространено; 2) перестановка знаков диграфа — явление достаточно известное; так, довольно часто встречается ѡу вместо ѡу; в древнеболгарских надписях отмечены написания типа **вьсок**- вместо **высок**- (см. Попконстантинов, Кронштайнер 1994: 119). К тому же в самом Мюнх. алфавит. встречаются зеркальные повороты букв: **ѡ** вместо **ѡ**, **ѣ** вместо **ѣ**. Заметим еще, что между знаками **Ѥ** и **Ѧ**, как кажется, нет двоеточия, которое стоит в Мюнх. алфавит. почти после каждой буквы (если только его не скрыла темная полоска на фонографии).

шей формой передачи фонемы /x/, заняла более важное место после Ѡ (ф). Относительно буквы ѡ и «раздвоения» Ш см. отдельно ниже.

Особый тип развития глаголического алфавита отражает абecedарий Дивиша. Здесь есть М (ћ), но нет Ѣ (ь) и нет Ѣ (н), равно как Ѣ (ö) и Ѣ (x₂) (на месте последнего, как и в Мюнх. абeced., стоит ѡ). Таким образом, здесь отражена традиция одноерового и безьюсового письма — хорватского типа. Как и в Мюнх. абeced., старое Ѣ (v) вытеснено диграфом Ѣ (ou).

Сложную проблему, важную для обоих славянских алфавитов, составляют глаголическое Ѣ и кириллическое ѡ. Согласно Трубецкому, исконное место буквы Ѣ в алфавите — после Ѣ (в соответствии с цифровым значением), а ее первоначальное название — условное, начинающееся с n (возможно, nѣ). Эта ситуация отражается, в частности, в Азбучной молитве, abecen. bulg. и абeced. Дивиша (правда, в последнем выступает уже другое название буквы — sstyа).

Но в Мюнх. абeced. предстает иная, более сложная картина: в кириллической части буква ѡ стоит в другом месте алфавита, а именно, в цепочке ш — ѡ — ѡ; в глаголице же ей соответствует, как мы уже видели, цепочка П — Ѣ — Ш, отражающая странное «раздвоение» знака Ш. При этом на месте после Ѣ в глаголице стоит необычный знак Ѣ, а в кириллице это место в сущности остается пустым: вместо буквы здесь стоит просто инициал (п) названия соответствующей глаголической буквы.

Соответствующие друг другу Ш и ѡ из Мюнх. абeced. естественно сопоставить с неясной буквой шь, фигурирующей у Храбра ровно в той же самой точке алфавита — после цепочки ш — ѡ.

Первопричиной этих усложнений в структуре алфавита, по-видимому, является неравенство фонетического значения первоначального глаголического Ѣ и позднейшего кириллического ѡ. Для первого, согласно Дурново 1929, следует предполагать функцию глухого эквивалента для М, т. е. фонетическое значение типа серб. [h] или типа [k']. Между тем в Болгарии ѡ (равно как и Ѣ) произносилось как [шт'] или [шт].

Связь с древним фонетическим значением буквы Ѣ усматривают, в частности, у представленной в Мюнх. абeced. особой глаголической буквы Ѣ, графически близкой к одному из вариантов буквы М. Ее можно усмотреть также у представленной в абeced. Дивиша особой кириллической буквы Ѣ, явно построенной как лигатура букв ѡ ѡ (см. Бэклунд 1976: 43–46). В обоих случаях эти буквы стоят на древнем алфавитном месте буквы Ѣ.

Перемещение кириллического ѡ в алфавитную зону, близкую к ш, вероятно, связано с болгарским произношением ѡ как [шт]. «Раздвоение» глаголического Ш явно вторично; оно выглядит как способ получить соответствие для кириллической пары ш — ѡ. Неизвестно, впрочем, использовалось ли противопоставление П — Ш в какой-либо степени в практике письма или осталось лишь особенностью некоторого класса абecedариев. Важно то, что 2-я редакция Храбра уже отражает (в форме шь) наличие в данной точке алфавита бук-

вы, в чем-то сходной с буквой ш, но не тождественной ей. В Мюнх. абeced. мы застаем ситуацию, когда в алфавите представлены (на разных местах) сразу два «наследника» первоначального Ѡ: 1) глаголическое Ѡ (без кириллического соответствия²⁾; 2) кириллическое Ѡ с необычным (возможно, искусственным) соответствием в виде глаголического Ш. Первое наследует его алфавитное место и, вероятно, фонетическое значение; второе (а именно Ѡ) наследует его форму.

Заметим, что для третьего члена цепочек ш — ѡ — Ѡ и П — Ѡ — Ш напрашивается ассоциация с ключевым словом *шьствоуж* из Азбучной молитвы, которое по месту соответствует буквам ѡ и шь у Храбра. Правда, по расчету исконных глаголических букв это *шьствоуж* должно отвечать букве ѡ; отсюда предположение, что эта буква некогда носила название, начинавшееся с ш. Если это так, то необходимо признать, что буква ѡ в какой-то момент (довольно ранний) сменила название, а именно, получила новое название *ерь* (после чего ключевое слово *шьствоуж* могло быть переосмыслено как символ буквы Ѡ). Ср. новый набор ключевых слов в 3-й редакции Храбра: *шестокрили — еромь* ('воздухом') — *що* (= *што*).

Для проблемы алфавитного места кириллического Ѡ чрезвычайно существенно также следующее обстоятельство: в отличие от Мюнх. абeced. и Храбра, древнерусские абecedарии помещают Ѡ не после ѡ, а непосредственно после ш, т. е. здесь представлена цепочка ш — Ѡ — ѡ, а не ш — ѡ — Ѡ. Это указывает на некоторую маргинальность кириллического Ѡ и, возможно, на то, что включение его в алфавит осуществлялось в разных традициях независимо друг от друга.

КИРИЛЛИЧЕСКИЕ АБЕЦЕДАРИИ

§ 6. Ниже приводится таблица 2, содержащая данные древнейших кириллических азбук.

В отличие от таблицы 1, мы не даем здесь специальной графы для предполагаемого первоначального состава кириллицы, поскольку вообще неизвестно, существовал ли у нее единый и фиксированный первоначальный состав.

Азбука Софии Киевской — граффити на стене собора. Палеографическая оценка: XI в. См. Высоцкий 1976, № 100: 12–23 и табл. III.

Берестяные азбуки из Новгорода.

№ 591 — 1 пол. XI в. (предположительно 1030-е гг.).

№ 460 — посл. четв. XII в.

№ 778 — по предварительной стратиграфической оценке, 1 четв. XIII в. (но, по-видимому, не исключена также и чуть более ранняя дата — конец XII в.).

№ 199, 201, 205 — азбуки из комплекса ученических упражнений мальчика Онфима (сер. XIII в.); № 199 и 205 несомненно принадлежат Онфиму, № 201 написан либо тем же самым почерком, либо весьма похожим.

Берестяная азбука № 24 из Старой Руссы (Ст. Р. 24) — 2 пол. XIV в.

Отметим, что берестяные азбуки № 199, 201, 205, Ст. Р. 24 и, вероятно, также № 460 написаны учениками; это либо копии с учительского образца, либо записи, сделанные по памяти. В отличие от них, азбука № 778 — это явно учительский образец. Функция грамоты № 591 менее ясна (но можно полагать, что запись сделана по памяти).

Азбука, процарапанная на полях Триоди Моисея Киянина (РГАДА, ф. 381 [Синод. типогр.], № 137, л. 144), см. Гальченко 1997: 85–86. Сама рукопись относится к концу XII — началу XIII в., процарапанная азбука, по палеографической оценке М. Г. Гальченко, — ко времени не ранее XIII в. Учитывая состав этой азбуки (см. об этом ниже), можно предполагать, что она относится к началу XIII в. (а может быть, даже практически синхронна написанию самой рукописи).

Азбука в сентябрьской Минее конца XI в., новгородского происхождения (РГАДА, ф. 381 [Синод. типогр.]), № 84, л. 69 об.). Записана на верхнем поле рукописи — согласно О. А. Князевской (Каталог ЦГАДА, I: 38), уставом XIII в. Исследована нами по копии, полученной от О. А. Князевской и М. А. Волчковой.

Азбука на cere (выдолбленной деревянной дощечке, заполнявшейся воском), найденной при раскопках в Новгороде. 10–30-е гг. XIV в. См. НГБ 1953–54: 79–80.

Азбука на иконе св. Николы из церкви в Озервах (Новгородской губ.); Госуд. Русский музей. 1 пол. XIV в. Исследована по копии, полученной от М. Г. Гальченко. Ныне эта азбука опубликована в книге Гальченко 1997 (с. 78).

В таблицу 2 включены также кириллические части Мюнхенского алфавитара и алфавитара Дивиша (см. выше) и, кроме того, азбука из 3-й редакции трактата Храбра (Ягич 1895: 15–17; по южнославянской рукописи XIII–XIV вв.). Эта азбука представляет собой позднейшее добавление к тексту Храбра (возникшее на болгарской почве).

П р и м е ч а н и я к таблице 2. В Софийской азбуке ж вписано над строкой. В той же азбуке буква после ш спорна: ψ или щ (см. об этом подробнее ниже).

В грамоте № 591 буква б втиснута между а и в (т. е. писавший вначале ее пропустил). В той же азбуке вместо отрезка з и к л м (или, может быть, з и к л м) стоят буквы з [м] л — очевидно, согласные из названия буквы з — *земла* (см. об этом НГБ 1977–83: 52–53).

В грамоте № 460 буква после χ спорна: это либо ω с лишним элементом (хвостом), либо ψ; судя по структуре родственных азбук, предпочтительна первая интерпретация.

В азбуке Триоди очень слабо видны буквы ч, ъ, ю (причем ъ нельзя отличить от ь; однако родственные азбуки дают основания читать здесь именно ъ). Предпоследняя буква азбуки вызывает некоторые сомнения: согласно М. Г. Гальченко, это ц; однако в принципе не следует также исключать возможность того, что это ψ (ср. положение в Софийской азбуке). Буква после 8 осталась вообще неопознанной (и, к сожалению, сколько-нибудь надежно восстановить ее на основе общих соображений пока не удается).

В азбуке Минеи вместо буквы п стоит по: видимо, автор начал автоматически писать название буквы — *покои*. Буквы от ч до а полусмыты и видны очень слабо. Отметим, во исправление неточности в НГБ 1977–83: 53, что буква зело в этой азбуке есть.

В грамоте № 199 вместо и і по ошибке написано и и (версия о том, что в этой грамоте буква і помещена в конце азбуки и, кроме того, вместо буквы е стоит ю, как выяснилось при дополнительном изучении грамоты, ошибочна: в обоих случаях вертикальный штрих представляет собой разделительный знак).

В № 205 вместо ѿ стоит лигатура о^тъ, построенная так, что она внешне очень похожа на ѿ.

В азбуке на иконе очень слабо видны буквы а, б, в, і, ы, ъ, а.

В Ст. Р. 24 буква зело имеет необычный вид: она отличается от следующего за ней з только тем, что у нее круглая (а не угловатая) головка. Возможно, что ученик просто неточно воспроизвел знак з. В той же азбуке между ч и ц стоит не одна, а две буквы. Обе выглядят как ѿ, но их верхняя часть видна плохо, поэтому неизвестно, повторена ли буква просто по ошибке или перед нами ѿ и ѿ (как это бывает в некоторых из позднейших азбук, см. № 21).

В 3-й редакции Храбра азбука складывается из букв, выставленных перед каждым из стихов азбучного акростиха. Приводим первые слова этих стихов: а — азъ; б — бѣ; в — вѣ^а; г — глѣ (= глѣж); д — добро; е — есьмь; ж — животь; з — зѣло; з — землѣ; і — иже; и — и; г — гемону; к — кое; л — людие; м — мисльѣж; н — на; о — оми; п — пилату; р — рыцѣта; с — слово; т — трьновень; оу — оударень; ф — фараина; х — херовыми; ц — црѣво; ч — члѣбколюбьѣа; ш — шестокрили; ѣ — еромь 'воздухом'; щ — цю; ѣ — ѣко; е — еже (вместо ѣж); ю — юдеие; е — есте (= асте).

§ 7. Помимо полных алфавитов, включенных в таблицу 2, полезно привести также некоторые из неполных, поскольку в отдельных случаях их данные тоже оказываются существенными.

Азбука на шиферном пряслице, найденном при раскопках в Новгороде в 1959 г. в слоях 60–90-х гг. XII в. Она начинается на нижней половине пряслица: а б в г д е ж з з и ѣ. На верхней половине идет продолжение (с пропуском буквы к): л м н о п р с т (при этом л и м перевернуты вверх ногами). Конец записи выглядит так: т л ѣо, т. е. писавший по какой-то причине перевернул пряслице, после чего заполнил оставшееся свободное место буквами оу ч ш.

Азбука на свинцовой грамоте № 2, найденной в Новгороде в 1997 г. (палеографически 2 пол. XII — нач. XIII в.): а б в г д е ж з з и к. Буква з имеет необычный вид, близкий к восьмерке.

Берестяная азбука № 783 (1 пол. XIII в.): а б в г д е ж з з.

Берестяная азбука № 576 (60–80-е гг. XIV в.). От а до т она имеет в точности тот же состав, что на цере XIV в. Далее следуют буквы у ф ч и на этом аз-

бука обрывается. Кроме того, сбоку от основной записи приписано слитное оу (место которого в алфавите остается, таким образом, неопределенным). Наиболее интересной для нас особенностью этой азбуки является присутствие буквы ф (см. об этом ниже).

Берестяная азбука № 25 из Старой Руссы (XIV в.). В этой азбуке, записанной в трех строках, ныне читаются лишь левые части строк: а б в г ...; т у ф х [ѡ] ... (в конце этой строки усматриваются слабые следы букв ь ы ь); ѣ з ... (от буквы после з виден круг, т. е. это либо зеркальное ои, либо ѝ с очень маленькими усами). Для нашего разбора существенно прежде всего присутствие в этой азбуке букв ф и з.

К этому ряду следует присоединить еще церу, найденную в Новгороде в 1984 г. в слоях 2 пол. XIII в. На ее торцевой стороне (длиной 9 см, шириной 1 см) вырезан вертикальный ряд букв: б ж к п ф ш ю. Этот непонятный на первый взгляд набор букв находит четкое объяснение, если предположить, что цера входила в некий блок из пяти подобных цер, каждая из которых неслала на торце колонку из 7 букв. Сложенные вместе, эти церы должны были давать полный алфавит, а именно (реально дошедшая до нас колонка обведена):

а	Б	в	г	д
е	ж	ѕ	з	и
і	к	л	м	н
о	п	р	с	т
у	ф	х	ѡ	ц
ч	ш	(щ)	ъ	(ь)
ѣ	ю	(ѝ)	(ѥ)	ѧ

Реконструкцию этого алфавита в части от а до ш можно считать практически надежной. Но конец его, к сожалению, восстанавливается неоднозначно: каких-то из букв, поставленных нами в скобки, в нем могло и не быть; вместо какой-то из этих букв могло стоять ы; порядок букв в последней пятерке проблематичен. Тем не менее совпадение этого алфавита в части от а до ш, например, с азбукой на цере XIV в. представляет собой ценную информацию.

Рассмотрим основные кириллические азбуки подробнее.

АЗБУКА СОФИИ КИЕВСКОЙ

§ 8. Важный дискуссионный вопрос, касающийся этой азбуки, состоит в том, окончена ли она.

В предположении о том, что эта азбука окончена, она обычно рассматривается просто как греческая азбука с добавлением трех славянских букв: б, ж и ш (относительно предполагаемого щ см. отдельно ниже). При этом первые две стоят на нормальных для славянской азбуки местах, третья же занимает место, не соответствующее никакой известной традиции.

В предположении о том, что эта азбука не окончена, она рассматривается как особая кириллическая азбука, отличающаяся от прочих прежде всего необычным местом для ш и присутствием букв Ѡ, Ѧ, Ѩ, причем на их греческих местах. Кроме того, в ней нет s и Ѧ и, разумеется, остается неизвестным состав букв после Ѡ.

Имеется несколько обстоятельств, которые, с нашей точки зрения, позволяют отдать предпочтение версии о том, что Софийская азбука носит законченный характер. Писавший не был ограничен местом (см. об этом Высоцкий 1976: 16). Азбука написана крупными буквами, на видном месте, под изображениями святителей, держащих в руках книги (там же, с. 22). Но наиболее существенно то, что буквенный ряд оканчивается омегой. Наличие α в начале и ω в конце придает этому ряду четко осязаемый сакральный характер. *Азъ есмь алфа и омега, начатокъ и конецъ* (Апокалипсис, 1,8) — изречение, с которым напрямую связана сакральная функция алфавита, воплощающего «идею цельности, полноты и завершенности, наконец, основы и сути книжной сакральной премудрости» (Н. И. Толстой. Алфавит — в кн.: Славянские древности, 1: 102)³. Таким образом, крайне маловероятно, что писец просто случайно остановился на омеге.

Представляется неслучайным также число членов этого буквенного ряда — 27. Обычный греческий алфавит (собственно буквенный) состоит из 24 букв. Но наряду с ним существовал и более полный вариант, включавший также стигму ('б'), коппу ('90') и сампи ('900'), т. е. чисто цифровые символы; он состоял из 27 членов. В ситуациях, где требовалось подчеркнуть полноту, выписывался именно этот 27-членный алфавит, охватывающий как все буквы, так и все цифры (ср., например, греческий алфавит, выписанный торжественным унциалом на первом листе того же Codex Gigas, где помещен алфавит Дивиша).

Ситуацию можно предположительно представить себе так. Писавший Софийскую азбуку хорошо знал само число 27 — количество знаков в полной (торжественной) греческой азбуке. Однако привычной и актуальной для него была обыкновенная, т. е. 24-членная, греческая азбука. И он предпочел достичь числа 27 не за счет стигмы, коппы и сампи, которые носили маргинальный характер, не будучи полноценными буквами, а за счет собственно славянских букв.⁴ Выбор букв б и ж в этом случае самоочевиден — ср. хотя бы список букв «по словенску языку» у Храбра. Менее очевиден выбор последнего члена этой триады — ш: здесь в принципе мыслимы и другие кандидаты. Не исключено, что здесь сыграла роль графическая близость (в системе данного писца) буквы ш и Ѡ-образного Ѩ.⁵ Этой же близостью скорее всего было определено то место, на которое он поставил ш. Понятно, что поставить ш на его нормальное место в данном случае было невозможно, поскольку буквенный ряд потерял бы при этом свое сакральное качество: он не оканчивался бы на омеге.

Если принять (хотя бы в основных чертах) предложенную схему объяснения, отпадает необходимость в гипотезе о том, что за Софийской азбукой стоит такой уровень развития кириллицы, когда из собственно славянских букв

писавшие употребляли только б, ж и ш. Такого уровня по всей вероятности вообще никогда не существовало, и уж во всяком случае он не имеет никакого отношения к культурно-исторической ситуации в Киеве XI века. Писавший несомненно должен был знать, например, буквы ц, ч, з, ѳ, л, но они так же остались за рамками его 27-членного ряда, как стигма, коппа и сампи. В качестве иллюстрации того, что в сакральных целях мог выписываться и неполный (и даже неточный) алфавит, лишь бы он начинался буквой а и кончался буквой ѱ, приведем следующий греческий алфавит, выписанный на стене церкви в монастыре Равна в Болгарии (Попконстантинов, Кронштайнер 1994: 234; Хв.): а в г д е з и ѳ ї к м н љ о ѱ т у ф х ѱ.

§ 9. Необходимо учитывать также следующее. Дискуссия о том, какой алфавит представлен в Софийском граффити — греческий или кириллический, — в значительной мере определяется анахроническим переносом нынешних представлений об этих двух алфавитах на ситуацию XI века. Русский человек нашего времени воспринимает греческий алфавит как во многом похожий на его собственный, но всё же другой алфавит. Между тем в X—XII вв. ситуация несомненно была иной: греческие и славянские буквы одинакового начертания воспринимались не как похожие, а как одни и те же. Аналогией здесь может служить восприятие современными русскими людьми, скажем, болгарского, украинского или татарского письма: небольшие различия в инвентаре букв (и тем более в способе их чтения) не меняют представления о том, что это одни и те же буквы (пусть даже с одним-двумя исключениями). С точки зрения грамотного человека древней Руси, греки писали той же азбукой, что он сам.⁶ Того факта, что греки не употребляют, например, в или ж или л, он мог вообще не замечать — подобно тому, как современный русский человек может не замечать, что украинцы не употребляют на письме букву и или э.

Таким образом, инвентарь греческих букв был просто частью инвентаря кириллических букв. Для грамотного прихожанина Софийского собора азбука на стене несомненно состояла из его собственных (а не чужестранных) букв — и это было бы верно даже и в том случае, если бы букв б, ж, ш в этой азбуке не было.

Несомненно, однако, что писавший, в отличие от рядового прихожанина, был в определенной мере знаком с греческим языком, во всяком случае твердо знал греческий алфавит и рассматривал его как престижный. В частности, для него образом полноты и законченности была формула «от а до ѱ» (а не «от до л», как в более поздней русской книжной традиции).

Особая точка Софийской азбуки — буква между ш и ѱ. Она имеет вид ц трактуется С. А. Высоцким (1976: 12 и след.) именно как ц; но В. Л. Янин (НГБ 1977—83: 55), исходя из порядка цифр, предлагает интерпретировать ее как ц, а как ѱ.⁷ С нашей точки зрения, решение В. Л. Янина предпочтительнее, и именно из него мы исходили в предшествующем разборе. В самом

деле, если допустить, что буква после ш — это щ, то возникает крайне трудно-объяснимая ситуация. С одной стороны, до полного греческого буквенного алфавита недостает ровно одной буквы, причем именно в той точке, где стоит спорная буква. Из однородной группы Ѡ, Ѳ, ѳ, т. е. букв, которые вообще не включаются в старшие славянские азбуки, а в позднейших помещаются не на греческих местах, а в конце алфавита, две буквы сохранены, а третья (ѳ) почему-то выпущена. С другой стороны, присутствие в данной азбуке буквы щ — при отсутствии таких, как ц, ч, ѡ, ѣ, ѧ — оказалось бы чрезвычайно странным на фоне других древних кириллических азбук, где щ получает статус самостоятельного члена алфавита позже большинства других букв.

Разумеется, данное решение сталкивается с той трудностью, что для буквы ѳ приходится признать возможность начертания, сходного со славянским щ. Давно отмечено, однако, что начертание глаголического Ѳ (а вслед за ним и кириллического щ) ассоциировалось с греческим Ψ (и, вероятно, сформировалось по крайней мере частично под его влиянием); см. Дурново 1929: 68. С этим связывают и тот факт, что буква Ѳ носила, как и Ψ, название, начинающееся с *n* (ср. выше).

Допустимо предположить, что в каких-то из ранних вариантов письменного узуса буквы ѳ и щ (в кириллице) могли восприниматься как варианты одной и той же буквы. Поскольку буква ѳ обычно употреблялась лишь в качестве цифры ('700'), а в буквенном значении как правило отсутствовала (или была ограничена устойчивой орфограммой *ѳль*), тогда как щ, напротив, выступало только как буква, а цифрового значения в кириллице не имело, никаких реальных смещений из-за подобного объединения ѳ и щ возникать не должно было. Если принять такое предположение, буква, стоящая после ш в Софийской азбуке, оказывается как бы двуприродной: 1) функционально это ѳ — знак для '700', член алфавита, предшествующий букве ѡ ('800'); 2) по начертанию же она неотличима от щ и, возможно, отождествлялась писавшим с тем обычным щ, которое выступало в составе слов; ср. узаконенное отождествление стигмы (ς) с з, сампи (λ) с л, в более позднее время также коппы (ϥ) с ч.

Закljučая разбор Софийской азбуки, отметим, что место после т занято здесь простым v — как в *abescenagium bulgaricum* и в Азбучной молитве, причем это v имеет характерную форму υ (зеркальное у).

ДРЕВНЕРУССКИЕ АЗБУКИ ПЕРВОГО ТИПА

§ 10. Три берестяные азбуки — № 591 (1 пол. XI в.), 460 (посл. четв. XII в.) и 778 (1 четв. XIII в.), а также азбука Триоди образуют единую группу, которую мы будем обозначать как первый тип древнерусской кириллической азбуки.

Судя по буквам ѣ и оу, к первому типу относилась также та азбука, которая в неполном виде отразилась в надписи на пряслице 2 пол. XII в. (см. § 7).

Внутри первого типа различаются: а) две азбуки более древнего состава — № 591 и 778; б) азбуки с некоторыми элементами перехода ко второму типу — № 460 и азбука Триоди.

Состав азбук первого типа таков.

От а до т представлен обычный для всей древнерусской кириллической традиции ряд: а б в г д е ж з и к л м н о п р с т.

Отметим, что этот ряд включает з и і. Отличия этого ряда от глаголического — только отсутствие буквы ѱ и порядок и — і (а не і — и). Относительно того, как могло обстоять дело с буквами и и і в № 591, см. также ниже.

Буква зело в реализуется в виде з; исключение составляет азбука Триоди, которая содержит уже не з, а з (как азбуки второго типа).

Более своеобразна конечная часть алфавита (после т). В № 591 она такова: оу ф х ц ч ш љ ж џ ѣ.

Отметим, что ижица здесь (равно как в № 460) написана в виде ч — точно так же, как в Софийской азбуке.

Перед х в азбуках первого типа стоит ф; исключение составляет азбука № 460, которая содержит уже не ф, а ѱ (как азбуки второго типа).

Важнейшие различия между азбуками первого типа состоят в наличии или отсутствии букв ѱ (или ѱ̄) и ѣ. В древнейшей азбуке № 591 нет ни ѱ, ни ѣ. В азбуке № 778 нет ѣ, но уже есть ѱ̄. В № 460 есть обе эти буквы (правда, ѱ не совсем надежно). В азбуке Триоди заведомо есть ѱ̄, а наличие ѣ спорно (см. об этом ниже).

Между азбуками первого типа есть также некоторые различия в пунктах, представленных в № 591 буквами џ и ѣ (см. об этом ниже). Кроме того, в № 460 оу предстает в виде оу, в № 778 и 460 ц предстает в виде д.

§ 11. Сравним конечную часть алфавита из № 591 с глаголицей (первоначальной).

Нет соответствий для ѱ (ѱ), ѣ (ѣ), љ (љ). В соответствии с двумя х (Ѡ и ѡ) имеется только одно, стоящее после ф.

Имеется одна лишняя буква против глаголицы — ж.

Первоначальным глаголическим ѱ (ѱ) и ѣ (ѣ) соответствуют, как обычно в кириллице, џ и ѣ. После т стоит оу (а не простое в) — так же, как, в частности, в Мюнх. абeced. Перед ѣ стоит не ю, а у (т. е. в).

Рассмотрим вначале вопрос о «недостающих» буквах.

Одно х вместо двух особых проблем не составляет: уже в самой глаголице буква Ѡ была близка к исчезновению.

Отсутствие ѱ — оригинальная черта азбуки № 591. Она обнаруживается, кроме того, в 3-й редакции Храбра. Но все прочие древнерусские азбуки букв ѱ (или ѱ̄) имеют. Отсутствие ѱ — особенность того же порядка, что и в случае с х: из двух омофоничных букв (ѱ и ѱ) в азбуке представлена лишь одна.

Еще один случай этого же рода — отсутствие в № 591 буквы ю. На ее месте стоит омофоничная ей (в первоначальной системе) буква в (в виде у); ср. способ представления букв ю и в у Трубецкого: ѡ₁ и ѡ₂.

Таким образом, в азбуке № 591 из четырех представленных в глаголице случаев омофонии букв три устранены. Что касается четвертого из этих случаев (и — і), то, к сожалению, отрезок и і к в № 591 пропущен, поэтому мы не знаем, содержала ли эта азбука обе буквы (и и і) или только одну. Отметим, что пример древнерусской азбуки без і существует: это азбука Минеи. В № 778 и 460 буква і есть; но в этих азбуках есть также ѡ (или ѡ̄) и ю, поэтому судить по ним об азбуке № 591 в данном вопросе рискованно.

Важнейшее общее свойство всех древнерусских азбук первого типа — отсутствие буквы ь. Тем самым эти азбуки, подобно текстам с такой особенностью, можно назвать о д н о е р о в ы м и (и более точно — безъеревыми). Как мы уже видели, эта же особенность представлена в абесен. bulg. и в абeced. Дивиша, равно как в кириллической части Мюнх. абeced. Добавим сюда еще 3-ю редакцию Храбра. Ясно, таким образом, что безъеревые азбуки были в древний период весьма распространены. Дошедшие до нас древнерусские азбуки с буквой ь не старше XIII века; они относятся уже не к первому, а ко второму типу.

Азбуки старшей разновидности первого типа (№ 591 и 778) не содержат также буквы џ. Эта особенность отличает их как от известных глаголических абecedариев, так и от других древнерусских азбук. Следует предполагать, что кириллические азбуки без џ возникли на болгарской почве (где џ = [шт]) — в русле той письменной традиции, где [шт] последовательно записывалось через шт (как, например, в Супрасльской рукописи). Что касается азбуки Триоди, то здесь буквы џ либо нет вообще (если буква перед ѡ — это џ), либо она занимает совершенно необычное для древнерусской традиции место — не после ш, а перед самым концом алфавита (в последнем случае она явно должно рассматриваться как позднее добавление к основному составу алфавита). В обоих случаях азбука Триоди оказывается дополнительным свидетельством того, что на заре письменной эпохи на Руси бытовала азбука (или азбуки), где буквы џ не было.

Особо отметим отсутствие в азбуках первого типа буквы љ. Разумеется, речь здесь идет не о том, что данное начертание не употреблялось или не признавалось составителями азбуки законным, а всего лишь о том, что оно рассматривалось не как единая буква, а как буквосочетание. Об этом ясно свидетельствует и состав глаголицы. Между тем процесс постепенного включения в алфавит подобных диграфов уже начался: азбуки первого типа уже содержат оу. Но включение в алфавит буквы љ происходит лишь позднее — начиная с азбук второго типа.

§ 12. Рассмотрим теперь последние четыре буквы азбук первого типа. В № 591 это ж ѡ ѣ ѡ, т. е. «юсовая» зона алфавита.

Буквы ѡ и ѡ понятным образом наследуют в алфавите места глаголических ѡ (ö) и ѡ (n). Но для буквы ж, не входившей в глаголический алфавит, потребовалось новое место. Ни в одной из азбук, представленных в таблице 1,

буквы ж нет. О ее древнем алфавитном месте мы узнаём только из ранних берестяных азбук: как мы видим, она была поставлена непосредственно перед ѡ — по принципу фонетического сходства, который, как известно, проявляется во многих малых группах внутри алфавита. Может быть, некоторую роль здесь сыграло и то, что именно это место — между Ѧ (ѣ) и Ѣ (ё) — со временем освободилось: занимавшая его буква Ѡ (ѡ) перешла в позицию после Ѣ (ѣ), вытеснив букву Ѥ (ѥ), которая вообще выпала из алфавита.

О букве ѣ (т. е. v) как заместителе для ю уже сказано выше. На русской почве буква v имела неустойчивое чтение: она могла выступать как эквивалент ю, оу или и; ср. *Кюриль*, *Коуриль* и *Кириль* на месте исходного *Куриль*, и т. п. Для азбуки № 591, где нет буквы ю, естественно предполагать чтение ѣ (т. е. v) именно как ю (т. е. такое же, как в исходной кирилло-мефодиевской системе). Однако, учитывая древнерусскую ситуацию, где ѡ уже читалось как [ju], нельзя полностью исключить и возможность того, что в системе азбуки № 591 функции буквы ю уже исполняло ѡ и тогда v могло читаться и по-иному, в частности, как [y].

Прочие азбуки рассматриваемой группы обнаруживают в данной зоне некоторое варьирование. В № 778 в соответствии с ѣ из № 591 выступает ю, что поддерживает гипотезу о чтении ѣ как ю. С другой стороны, в № 460 находим одновременно ю и ѣ; в этой системе ѣ, разумеется, могло читаться и иначе. В азбуке Триоди в соответствии с ю и ѣ из № 460 выступают ю и ѡ (где само присутствие буквы ѡ указывает на связь с азбуками второго типа). К сожалению, буква, следовавшая в азбуке Триоди за ѡ, остается неизвестной.

Но самый большой сюрприз представляет собой буква, стоящая в № 778 в соответствии с ѡ из № 591. Эта буква имеет вид большого юса без вертикального среднего штриха: ѡ.

Понятно, что, будучи встречено в тексте, такое начертание легко могло бы быть принято за недописанную (или небрежно написанную) букву ж. Но в данном случае оно стоит рядом с ж и занимает отдельное место в азбуке. Тем самым не остается сомнений, что в системе азбуки № 778 ѡ — это особая буква.

Встречается ли эта ранее неизвестная славянская буква в текстах? Оказывается, да. Берестяная грамота № 151 (20–30-е гг. XIII в.), от которой сохранился лишь маленький фрагмент, содержит следующий текст: ѡ ви... | ѡ до[м]... Это явно фрагмент долгового списка, состоящего из записей по модели 'у такого-то столько-то', например, 'у Витослава', 'у Домажира' (или какие-то сходные имена). Издатель грамоты А. В. Арциховский пишет с оправданной осторожностью (НГБ 1955: 29): «Большой юс изображен без средней линии и потому спорен. Но другого толкования этой буквы нет». Мы узнаём из этой грамоты, что буква ѡ читалась (по крайней мере в некоторых случаях или в некоторых школах письма) как [y].

Т. В. Рождественская указала мне на использование этой же буквы ѡ в древнеболгарской надписи на свинцовом амулете из селения Орешак (округ

Варна) (Попконстантинов, Кронштайнер 1994: 119). В этом тексте (который, к сожалению, в ряде мест темен) вместо букв ж и љ последовательно пишется ж и љ: *кѡѡ сѡ* 'я поклялся, проклял' (ж вместо ж, которое, в свою очередь, стоит вместо ж в силу «мены юсов»), *мамомѡѡ* (предположительно В. ед. жен.), ...*иѡ* (какое-то окончание), *вьсоѡѡ* (по-видимому, = *вьсоѡѡ*, со смешением йотированного и нейотированного юса).

Болгарские примеры указывают на то, что буква ж появилась уже на болгарской почве; на Русь она попала среди прочих разновидностей юсов.

Примечание. При обсуждении вопроса об азбуке № 778 (после моего доклада в III Римском университете в апреле 1998 г.) К. Станчев высказал мысль, что знак ж — это не что иное, как перевернутая буква ѡ, взятая в угловатом начертании. Эта гипотеза наталкивается, однако, на очень серьезные трудности. Прежде всего она непригодна для объяснения ж в древнеболгарской надписи (так как в Болгарии фонетическое значение букв ж и ѡ оставалось различным). Во-вторых, практически все известные примеры перевернутых букв в древнерусских памятниках отражают поворот буквы вокруг вертикальной оси, а не горизонтальной — ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ и др. (двусмысленные случаи типа и вместо н, естественно, не в счет); в берестяных грамотах можно указать всего один недвусмысленный пример нарушения этого принципа — перевернутое ѡ в грамоте № 114. Кроме того, буква ѡ вообще включается в алфавит поздно (начиная с азбук второго типа и частично сходной с ними азбуки Триоди), тогда как азбука № 778 в целом чрезвычайно архаична: она очень мало отличается от древнейшей азбуки № 591. Эти соображения не исключают, впрочем, возможности некоторого взаимовлияния графических форм омофоничных букв ж, ж и ѡ; подобное взаимовлияние можно усмотреть, в частности, в азбуках Онфима, где ѡ имеет вид ѡ, а ж — вид ж.

§ 13. Особенности состава древнерусских азбук первого типа вполне можно связать с определенными диалектными особенностями. Но только эти особенности — отнюдь не восточнославянские, а южнославянские. Так, в частности, азбука № 591 может рассматриваться как вполне точный перечень букв, необходимых для записи некоторого южнославянского диалекта, где: 1) *tj, *dj дали [шт], [жд]; 2) [ъ] и [ь] совпали; 3) [ѡ] и [з] не совпали; 4) носовые гласные сохранились. Азбука № 591 не только обеспечивает адекватную запись такого диалекта, но и не содержит при этом лишних с точки зрения данной задачи букв (если отвлечься от нерешенного вопроса об и и і). Между тем с точки зрения древнерусского языка здесь одних букв (прежде всего ь) не хватает, другие же дублируют друг друга (оу и ж, ѡ и ѡ, з и ж).

Ясно, таким образом, что алфавит, отразившийся в древнерусских азбуках первого типа, пришел из Болгарии. В болгарской языковой зоне можно найти говоры, обладавшие в X—XI вв. всеми четырьмя указанными выше особенностями. Было бы, впрочем, несколько наивно полагать, что алфавит, отразившийся в грамоте № 591, сформировался непременно в одной из именно

таких диалектных точек. То, что мы знаем о функционировании вариантов алфавита, противоречит столь прямолинейной (и столь идеальной с лингвистической точки зрения) версии. Достаточно признать, что каждая из особенностей рассматриваемого алфавита находит естественное объяснение на основе определенной диалектной черты, известной у южных славян. Алфавит, соединяющий все эти особенности, в действительности мог формироваться не одновременно и в разных местах. Важнее всего здесь само свидетельство о том, что в Болгарии X—XI вв. складывались варианты кириллического алфавита, не копировавшие глаголический алфавит, а приспособленные к определенным диалектным особенностям.

§ 14. Как соотносятся древнерусские азбуки первого типа с практикой письма (того же времени, т. е. XI—XII вв.) в древней Руси?

Уже с первого взгляда ясно, что это соотношение никоим образом не прямое. С одной стороны, в них нет букв, которые широко употребляются в древнерусских памятниках XI—XII вв.; ср. хотя бы отсутствующие в азбуке № 591 буквы ь, щ, ю. С другой стороны, в них есть буквы, которые употребляются крайне редко, а в бытовом письме, типа берестяных грамот, не встречаются вообще, например, ѣ.

Особенно далеки от тех ограничений в инвентаре букв, которые накладывает, скажем, азбука № 591, книжные памятники. Следует учитывать, правда, что эти памятники в сильной степени зависели от своих оригиналов. Более показательны в отношении практики письма на Руси оригинальные тексты (в частности, надписи) и в особенности тексты бытового характера (прежде всего берестяные грамоты).

Рассматривая тексты этой категории, относящиеся к XI — нач. XII в., мы убеждаемся, что большинство из них написано с помощью того же инвентаря букв, что и книжные памятники. Но всё же среди них есть и такие, где инвентарь используемых букв более узок, причем отсутствует одна или несколько букв именно из числа тех, которых нет в азбуке № 591.

Важнейший случай такого рода — отсутствие буквы ь. В текстах этой категории на месте этимологического *ь пишется ъ, т. е. мы имеем дело с одноерovým письмом. Предполагать фонетический переход [ь] в [ъ] для древнерусской языковой зоны нет никаких оснований; поэтому ясно, что одноеровое письмо здесь носило характер графической условности (точнее, графического несовершенства, поскольку такое письмо не различало двух разных фонем).

Среди древнейших русских надписей доля одноеровых довольно значительна. Отметим важнейшие одноеровые надписи, относящиеся, как можно с большей или меньшей уверенностью предполагать, к XI—XII в. (оставляем в стороне многочисленные надписи, по разным причинам ненадежные — слишком плохо сохранившиеся, темные по смыслу и т. п.). Настенные надписи в Новгороде: Мединцева 1978, № 39, 46, 52, 53, 55, 60, 62, 64, 87, 144, 146, 157, 159. Настенные надписи в Киеве: Высоцкий 1966, № 3; 1976, № 104, 153,

164 (возможно, также № 108); 1985, № 325. К числу одноеровых относится также один из самых ранних ныне известных древнерусских текстов — надпись на деревянном цилиндре, найденном в Новгороде (вероятно, конца X в.): *мѣцѣницъ мѣхъ въ тихъ м[о]тѣ... пол(...)ѣтѣвѣ* (см. ДНД: 251).

Из новгородских берестяных грамот по одноеровой (безъеревой) системе написаны: XI и нач. XII в. — № 527, 109, 745, 586, а также свинцовая грамота № 1; 2 и 3 четв. XII в. — № 380, 900, 812 и 877 (в последней используется двусмысленное начертание Ъ).

Мы видим, таким образом, что отсутствие ь в азбуках первого типа согласуется с практикой некоторой части русских грамотных людей XI—XII вв.

В связи с этой проблемой необходимо отметить, что во многих надписях и берестяных грамотах (а иногда и в пергаменных рукописях) форма еров неустойчива и плохо разграничены ѣ и ь. Встречаются начертания типов: Ъ, Ъ, Ъ, Ъ, Ъ; но четкого распределения этих начертаний между этимологическими *ѣ и *ь во многих документах нет⁸. Издатели обычно принимают в этих случаях более или менее произвольные решения.

Рассмотрим характерный пример — надпись 1093 г., сообщающую о погребении великого князя Всеволода Ярославича (Высоцкий 1966, № 4). Указывая словоформы, мы пишем в них ниже ѣ или ь в соответствии с этимологией (а не с типом начертания в надписи). Судя по фотографии и прориси, начертание Ъ представлено в случаях: *въ* (3х), *роуьскыи* (слог *сь-*), *кѣназь* (*къ-*), *благыи* (в ы), *Дѣмитръ* (*дѣ-*). Начертание Ъ: *великыи* (в ы), *бысть* (*-тъ*), *Аньдреа*, *кѣназь* (*-зь*), *ѡѣтъ*, *отрочьк-*, (*оу*)[*м*]ѣрлѣ (*-лѣ*; у С. А. Высоцкого это слово осталось непрочитанным). Начертание Ъ: *Дѣмитръ* (*-рѣ*), (*оу*)[*м*]ѣрлѣ (*-мѣ-*). Начертание Ъ: *четвьрѣ*. Начертание Ъ: *бысть* (в ы), *роуьскыи* (в ы).

Как можно видеть, никакого последовательного распределения этих начертаний между этимологическими *ѣ и *ь здесь нет; например, ѣ пишется тремя способами. Можно было бы сказать, что это текст с беспорядочным употреблением ѣ и ь. Но это было бы не совсем точно. Когда говорят о беспорядочном употреблении, например, ѣ и о в определенном классе документов, имеется в виду, что эти буквы свободно употребляются одна вместо другой; однако никаких промежуточных начертаний (между ѣ и о) в таких документах нет, т. е. конкретная буква идентифицируется однозначно — как ѣ или как о. Между тем в рассматриваемой надписи неясно даже, сколько разных букв воплощают показанные выше начертания: две (ѣ и ь)?, всего одну?, более двух? Различные попытки распределить эти написания по двум буквам (скажем, Ъ и Ъ — это ѣ, Ъ, Ъ и Ъ — это ь; или иначе: Ъ, Ъ и Ъ — это ѣ, Ъ и Ъ — это ь) приводят к одинаково малоубедительным решениям. Вероятнее всего, писавшему все различия между этими начертаниями представлялись несущественными; он, конечно, встречал в книгах и букву ѣ, и букву ь, но, по-видимому, относился к ним как к вариациям одной и той же буквы. Понятно, что разработке такого отношения вполне могло способствовать обучение письму по безъеревой азбуке типа № 591.

§ 15. Вопрос о букве *щ*. В древнерусских книжных памятниках XI в. она представлена достаточно широко, хотя во многих из них с ней конкурирует написание *шт*. В берестяных грамотах написание *шт* не встретилось, в надписях его тоже почти не бывает. К сожалению, соответствующее звуко сочетание встречается редко, поэтому материала здесь очень мало. В частности, в древнейших берестяных грамотах (XI — 1 пол. XII в.) этимологическое *щ* встретилось всего несколько раз.

В надписях и берестяных грамотах XI — перв. пол. XII в. замечается несколько нечеткое различие *ш* и *щ*. Ассортимент начертаний здесь можно свести к следующим основным: Ш, Ѡ, Щ, Ѡ, Ѡ. В нормальном случае начертания Ш, Ѡ, Щ воплощают букву *ш*, начертание Ѡ — букву *щ*. Но промежуточное начертание Ѡ употребляется то в той, то в другой из этих ролей.

Примеры Ш в роли *ш* и Ѡ в роли *щ* можно не приводить. Отметим примеры менее очевидного свойства. Начертание Ѡ в роли *щ*: *на погощахъ* в берестяной грамоте № 526 (сер. XI в.); *рикающи* в надписи Высоцкий 1976, № 146 (XII в.). Это же самое начертание в роли *ш*: *грѣшьнаго* и *помышле...* в надписи Высоцкий 1985, № 325 (1074—1094 гг.) (других *ш* в надписи нет); *Бъгъша* в надписи Мединцева 1978, № 60 (XI — 1 пол. XII в.); *оу Станишь* в берестяной грамоте № 630 (2 четв. XII в.)⁹. Начертание Ѡ в роли *ш*: *наш...* в надписи Высоцкий 1966, № 8 (1054 г.); *ѡто Душиль* в берестяной грамоте № 723 (2 пол. XII в.). Начертание Щ в роли *ш*: буква *ш* в берестяной азбуке № 460; *грѣшьн(а)го* в надписи Высоцкий 1966, № 23 (XI—XII вв.).

Особого внимания заслуживает то, что в одной из самых древних берестяных грамот — № 246 (2 четв. XI в.) — вместо ожидаемого *присълеши* дважды написано *присълещи*, т. е. здесь стоит начертание Ѡ (один раз даже с изогнутым хвостом). В той же грамоте *лоуцьшаго* записано с обычным *ш* (т. е. Ш); этимологического *щ в грамоте нет. Никакого правдоподобного объяснения по поводу замены *ш* на *щ* в *присълещи* до сих пор не было предложено.

Хотя материал и невелик, он всё же дает некоторые основания предполагать, что в раннеписьменный период разграничение *ш* и *щ* было сопряжено примерно с такими же проблемами, как разграничение *ъ* и *ь*; иначе говоря, для некоторой части пишущих (хотя, может быть, и небольшой) различия между показанными выше начертаниями могли не связываться с различием двух разных букв (*ш* и *щ*). Если принять это предположение, то традиционная транскрипция *присълещи* для рассматриваемой словоформы из № 246 предстает в сущности как условная, где буквой *щ* мы передаем (за неимением особого знака для этой цели) безразличное обозначение для *ш* и *щ*. Очевидно, азбуки типа № 591 и 778 (не содержащие буквы *щ*) могли в какой-то мере способствовать подобному неразличению.

Примечание. Изложенный тезис получил важное подкрепление в материале найденной в 1997 г. берестяной грамоты № 30 из Старой Руссы (кон. XII в.), где не различаются *ш* и *щ*: в *суща* (2х) и в *исоправищи* 'исправишь' написана одна и та же буква, имеющая вид Ѡ (других примеров с *ш в грамоте нет).

§ 16. В том, что касается знаков для [y] и [ju], древнерусские азбуки первого типа в целом достаточно хорошо согласуются с письменной практикой своего времени. Так, диграф *оу* служит в это время основным средством передачи [y]; в берестяных грамотах и надписях встречается также его вариант *уо* (фигурирующий в азбуке № 460).

Входящая в эти азбуки буква *ж* используется в эту эпоху и на практике — весьма широко в XI в., существенно уже в XII в. В книжной письменности уже примерно к середине XII в. эта буква выходит из употребления. Берестяные грамоты, использующие *ж*, встречаются вплоть до первой трети XIII в.

Простое *у* (правда, не зеркальное, как в азбуках № 591 и 460, а обычное) употребляется в бытовом письме как знак для /у/ начиная примерно с рубежа XI и XII вв.; но сфера его применения в XII в. еще довольно ограничена.

Из знаков для [y], реально используемых в письме XI—XII вв., в азбуках первого типа (кроме Триоди) нет *ѣ*. Этот знак не имел особого места в алфавите, будучи по происхождению всего лишь вариацией диграфа *оу*. Включение его в алфавит происходит, как и в прочих подобных случаях, с опозданием — лишь в азбуках XIII в.

Для передачи [ju] (и [y] после мягких согласных) основным средством служит *ю*. Использование в той же роли буквы *ѣ* ограничено книжными памятниками (в основном XI в.); в берестяных грамотах отмечено лишь *собоѣж* 864 (1 пол. XII в.) и еще один пример, о котором см. ниже.

Характерная особенность древнерусской письменной практики XI—XII вв. (имеющая несомненно южнославянское происхождение) — не вполне строгое разграничение знаков для [y] и знаков для [ju]. Так, в некоторых книжных памятниках — прежде всего в Изборниках 1073 и 1076 гг. — буква *ж* широко используется как эквивалент для *ю*, например, *лждьмъ, вѣрож*. Этой практики не совсем чужды также надписи и берестяные грамоты, ср. *обѣсти ж* ‘объяви (возвести) её’ в берестяной грамоте № 745 (1 четв. XII в.), *собож* в № 150 (1 четв. XIII в.). Специально отметим киевскую надпись № 102 (Высоцкий 1976; вероятно, XII в.): *гѣ помози рабоу своему | безуеви иванѣ отроку дѣбрынича и м---еви с[ъ] нимъ* (для м---еви чтение С. А. Высоцкого *мареву* принять нельзя; возможно, следует читать *м[осе]еви*). В этой надписи *ж* в *Иванѣ* явно эквивалентно *ю*, т. е. это ‘Иванову’ (тогда как [y] передается через *оу* или *у*). Перевод: ‘Господи, помоги рабу своему Безую, отроку Ивана Добрынича, и Мосею (?) вместе в ним’. Не учтя этой особенности, С. А. Высоцкий прочел *Иванѣ* как ‘Ивану’, в результате чего получил невероятный перевод, в котором фигурирует Безуй-Иван, отрок Добрынича.

В книжной практике XI—XII вв. (но не в бытовой) буквой, совмещающей функции *оу* и *ю* (но еще и *и*), была также ижица (= простое *у*), выступавшая в греческих заимствованиях в соответствии с *υ*, например, *Ѧзупутьъ, Дионусии*.

Отметим также некоторые нестандартные случаи употребления знаков для [y] и [ju].

Киевская надпись № 130 (Высоцкий 1976; вероятно, XII в.): $\overline{\text{гѣ}}$ помози ра-
 бѹ своѣ $\overline{\text{мю}}$ $\overline{\text{а}}$ $\overline{\text{нѣ}}$ $\overline{\text{тѣ}}$ $\overline{\text{нѣ}}$ $\overline{\text{ж}}$ (у С. А. Высоцкого ошибочно $\overline{\text{своѣми}}$ и $\overline{\text{а}}$ $\overline{\text{нѣ}}$ $\overline{\text{тѣ}}$ $\overline{\text{нѣ}}$ $\overline{\text{ж}}$). Здесь
 представлено весьма примечательное смещение функций: [y] передается че-
 рез ю, а [ju] — через ж.

Берестяная грамота № 662/684 (2 пол. XII в.): здесь встретилось написание
а ѡ дроугахо ‘а у других’. Я полагал прежде, что это $\overline{\text{ѡ}}$ — случайная вариация
 графемы ж. Но скорее всё же это реликт почти забытой ко 2-й половине XII в.
 буквы $\overline{\text{ѡ}}$. Видимо, писавший просто уже не знал, чем отличалось ее исконное
 фонетическое значение от ж (менее вероятно, что он действительно произно-
 сил в этом случае [ju], а не [y]).

Не исключено, что примерно таким же путем получила значение [y] и бук-
 ва $\overline{\text{ѡ}}$, занимающая в азбуке № 778 то же место, что $\overline{\text{ѡ}}$ в № 591 (см. о ней выше).

Отсутствие $\overline{\text{ѡ}}$ в азбуке № 591 можно сопоставить с той категорией берестяных
 грамот, где пишется *отъ* (а не $\overline{\text{ѡ}}$) и тем самым буква $\overline{\text{ѡ}}$ не употребляется. Такие
 грамоты встречаются (хотя и не очень часто) на протяжении всего XII в. В XIII в.
 их уже почти нет.

Что касается буквы $\overline{\text{ѡ}}$, входящей в состав азбук первого типа, то она в бе-
 рестяных грамотах не употребляется; ее почти нет и в надписях (редкое иск-
 лючение — киевская надпись № 102, см. выше).

Таким образом, наш обзор показывает, что в масштабах письменной традиции
 XI–XII вв., взятой в целом, между древнерусскими азбуками первого типа
 и практикой не только книжного, но и бытового письма нет прямого соответ-
 ствия. Но, с другой стороны, ряд особенностей этих азбук (отсутствие $\overline{\text{ѡ}}$, отсут-
 ствие $\overline{\text{ѡ}}$, множественность знаков для [y] и [ju]) находит некото-
 рое соответствие в практике части школ письма, в особенности бытового.

ДРЕВНЕРУССКИЕ АЗБУКИ ВТОРОГО ТИПА

§ 17. Ко второму типу относятся известные ныне полные древнерусские азбу-
 ки середины XIII–XIV вв. Они отличаются довольно высокой степенью един-
 ства между собой.

Из неполных азбук к этому же типу примыкают новгородские берестяные
 азбуки № 783 и 576, азбука № 25 из Старой Руссы, реконструируемая азбука на
 блоке цер XIII в., возможно, также азбука на свинцовой грамоте № 2 (см. § 7).

Основная часть алфавита (от $\overline{\text{а}}$ до $\overline{\text{т}}$) — такая же, как в первом типе. Толь-
 ко буква $\overline{\text{ѡ}}$ уже имеет в этом типе вид $\overline{\text{ѡ}}$ или $\overline{\text{ѡ}}$ (а не $\overline{\text{ѡ}}$). Несколько отклоня-
 ется от остальных азбука Минеи: в ней нет буквы $\overline{\text{ѡ}}$. Поскольку, однако, прак-
 тически во всех остальных азбуках эта буква есть, следует считаться также
 с возможностью простого пропуска.

Отличия второго типа азбук от первого сосредоточены в конечной части
 алфавита.

После **т** здесь уже стоит не **оу**, а простое **у**; только азбука Миней еще сохраняет такое же **оу**, как в первом типе.

Следующее место занято в основных азбуках данного типа уже не фертом, а фитой. Однако в двух самых поздних азбуках этого типа — Ст. Р. 24 и № 576 — мы вновь находим ферт.

После **χ** стоит **ω̄** (в азбуке церы — **ω**; о двух **ω** в Ст. Р. 24 см. примечания к таблице 2).

Важнейшее отличие от азбук первого типа — наличие в составе алфавита букв **щ**, **ы** и **ь**¹⁰. Таким образом, отрезок от **у** до **ѣ** здесь выглядит так (даем по № 201): **у ѳ χ ω̄ ц ч ш щ ъ ы ь ѣ**.

После **ѣ**, в отличие от азбук первого типа, стоит уже не **ж**, а **Ѹ**.

Далее следуют **ю**, **Ѷ** (в азбуке на иконе на месте **ж** стоит **ψ**) и **ѧ**.

В Ст. Р. 24 после **ѣ** непосредственно следует **ѧ**, т. е. нет **Ѹ**, **ю**, **Ѷ**. Отсутствие **ю** — по-видимому, случайный пропуск. Что касается отсутствия **Ѹ** и **Ѷ**, то, к сожалению, неизвестно, пропуск это или отражение особой ветви азбучной традиции.

§ 18. Практически все новшества второго типа азбук по сравнению с первым приближают азбуку к практике письма XIII—XIV вв. (в том числе бытового).

Замена **з** на **а** (или **с**) означает устранение знака, который реально не используется, и введение на его место цифры (реально используемой).

Замена **оу** на **у** отражает реальную эволюцию узуса: в XIII—XIV вв. сфера применения диграфа **оу** непрерывно сужается, а простого **у** — расширяется (в том, что касается письма на бересте, см. НГБ 1977—83: 99 и ДНД: 25—26). Заметим, что азбуки с простым **у** (а не **оу**) после **т** внешне сходятся в данном пункте с первоначальной глаголицей, Азбучной молитвой, Софийской азбукой. Но в азбуках второго типа это, конечно, не прямое наследие старины, а результат исторического «зигзага»: на раннем этапе диграф **оу**, будучи основным способом передачи [у], вытеснил простое **у**, исполнявшее лишь периферийную роль ижицы, с алфавитной позиции после **т**; на более позднем этапе роль главного средства передачи [у] переходит к простому **у** и оно, в свою очередь, вытесняет **оу** с этой позиции.

Замена в алфавите буквы **ф** на **ѳ** (с последующим возвратом к **ф**) может быть непосредственно соотнесена с практикой употребления этих двух букв (в буквенном, не в цифровом значении). В берестяных грамотах картина такова. В XI — 1-й половине XII в. употребляется **ф**. Со 2-й половины XII по начало XIV в. господствует **ѳ**. В XIV в. начинается возвращение **ф**; со 2-й половины XIV в. **ф** уже господствует (подробнее см. ДНД: 28). Известные ныне азбуки явно следуют за этой эволюцией — как обычно бывает в таких случаях, с некоторым запаздыванием. Так, в азбуках первого типа, кроме № 460, представлено **ф** (причем № 778 и Триодь по времени уже попадают в эпоху господства буквы **ѳ**); но в азбуке № 460 уже находим **ѳ**. В азбуках середины XIII — середины XIV в. представлено **ѳ**. Наконец, в азбуках Ст. Р. 24 и № 576, относящихся ко

2 пол. XIV в., мы снова видим ф (и это ф постоянно фигурирует также во всех азбуках последующих веков; ср. ниже). С азбуками Ст. Р. 24 и № 576 согласуется берестяная грамота № 623 (того же времени), содержащая склады: за складом *та* в ней следует склад *фа* (а не *ѳа*, как, например, в № 199 и 201).

Наличие в азбуках буквы ѿ вполне соответствует практически обязательному для данной эпохи употреблению орфограммы ѿ на месте древнего *отъ*.

Включение в алфавит букв ь и џ представляет собой важнейший шаг в согласовании состава алфавита с письменной практикой. В самом деле, в XIII в. от одноерового письма нет уже даже самых слабых следов, совершенно последовательно употребляется буква џ.

Ту же самую тенденцию отражает включение в алфавит букв ы и 8. В обоих случаях знак первоначально представлял собой диграф, но передавал монофтонг. Очевидно, второе было здесь существенно, поскольку составные буквы, передающие звукосочетания (ю и ю), в отличие от ы и 8, в алфавит даже на этом этапе включены не были.

§ 19. Состав конечной части алфавита в азбуках второго типа представляет собой весьма показательный компромисс между традицией азбук и практикой письма.

Буквы ж в практике письма в эту эпоху уже нет. Но традиция не позволяет просто выбросить ее из алфавита. Компромисс состоит в том, что алфавитное место не употребляемой более буквы ж занимает другой знак для [y] — активно употребляемое 8, сама же буква ж оттесняется на предпоследнее место алфавита — туда, где ранее была ижица.

Примечательно, что азбуки второго типа сохраняют в конечной зоне (после ѳ) то же число мест, что в основных азбуках первого типа. Сравним знаки для [y] и [ju] в азбуках первого и второго типов (из второго типа здесь достаточно одного примера — азбуки на cere XIV в.).

	1-й тип				2-й тип
	№ 591	№ 778	№ 460	Триоль	цера XIV в.
после т	оу	оу	уо	оу	у
после ѳ	ж	ж	ж	ж	8
	ѣж	ѣ	ю	ю	ю
	ү	ю	ү	8	ж

Легко видеть, что второй тип азбук здесь следует схеме, заложенной в первом типе: 1) место после т — для главного средства передачи звука [y]; 2) место после ѳ — для второстепенного средства передачи [y]¹¹; 3) следующее место — в нормальном случае для средства передачи [ju]¹²; 4) последнее место — периферийное; его занимают оставшиеся знаки для [y] и для [ju] (или для обоих сразу).

Интересно, что в азбуках второго типа буква ж обычного начертания вообще не встретилась. В Минее и на cere XIV в. она имеет вид ж (старый вариант,

изредка встречающийся и в раннюю эпоху). В азбуках № 199, 201, 205 и Ст. Р. 25 выступает знак **з**. Такое начертание так же отличается от обычного **ж**, как знак **д**, употребляемый, например, в Супрасльской рукописи, от обычного **л**. Заметим, что знак **з** в принципе мог бы функционировать и как особая буква алфавита. Однако он стоит в указанных азбуках вместо **ж** (а не вместе с ним, как, например, **я** в № 778); поэтому более вероятно, что мы имеем здесь дело лишь с вариацией буквы **ж**. Относительно возможного взаимовлияния графических форм знаков **з** и **з** см. примечание в § 12.

Наконец, в азбуке на иконе на месте **ж** стоит буква **ψ**. Может быть, буква **ψ** попала сюда просто по причине своего сходства с перевернутой буквой **ж**, которую иконописец уже знал нетвердо. Но не исключено и то, что перед нами не ошибка, а особенность некоторой ветви древнерусских азбук — та же, что в азбуке Триоди (если там перед **л** стоит именно **ψ**, а не **ϣ**), и весьма похожая на соответствующую особенность Софийской азбуки.

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИНОСЛАВЯНСКИХ АБЕЦЕДАРИЯХ

§ 20. Кириллические азбуки Мюнхенского и Стокгольмского абecedариев находятся в особом положении, поскольку на их состав оказывал прямое влияние приводимый параллельно глаголический алфавит. Так, в кириллической азбуке Мюнх. абeced. по этой причине стоит лишняя буква **п** (после **ω**), имеется какая-то неясная буква в соответствии с глаголическим **Ϡ** (χ_1), набор юсов копирует глаголицу, не вполне понятен статус двух **з** и **т** д. Иначе говоря, нельзя считать эту азбуку полноценным самостоятельным свидетельством о составе и порядке букв в кириллице. Например, отсутствие в этой азбуке буквы **ж** (при наличии **ѡ**, **д** и **л**) едва ли соответствует положению вещей в какой-либо реальной кириллической азбуке.

Можно отметить следующие черты кириллицы в Мюнх. абeced., которые не определяются (или не полностью определяются) глаголической частью памятника: она принадлежит к безъеревому типу; содержит **ϣ**, причем оно стоит на особом алфавитном месте (см. об этом выше); содержит **ѡ**. Собственно кириллическим является также порядок букв и — **г** (не соответствующий порядку **Ѣ** — **Ѥ** в глаголической части).

Абecedарий Дивиша, как уже отмечено, в обеих своих частях безъеревый и безъюсовый (но с сохранением буквы **ѣ**). Специфические особенности кириллической части: зело в виде **ѕ**; знак **ѡ** в соответствии с глаголическим **Ѣ**; **ѣ** (а не **ѣ**) в позиции после **ѡ**; особый знак **ѣ** в соответствии с глаголическим **Ѥ**; знак **ѣ** в соответствии с глаголическим **Ѥ**; зеркальный ять (**ѣ**); **ѣ** (а не **ю**) в соответствии с глаголическим **Ѥ**. Отметим, с другой стороны, что порядок букв в кириллице здесь ни в чем не отклоняется от глаголического ряда (в частности, **г** стоит перед **и**, эквивалент для **ѣ** стоит после **ω**).

В абecedарии Дивиша отражен весьма специфический вариант развития кириллицы. Он соединяет такие, по-видимому, старые элементы, как знак **ѣ**

или начертание Ц для ш, со значительным сокращением конечной части алфавита (одинаковым, впрочем, для кириллического и глаголического рядов). Элементы сходства с древнерусскими азбуками первого типа — отсутствие ь, ы и «обычного» ц; специально с азбукой № 591 — отсутствие буквы ю, место которой занято буквой в. С другой стороны, ѱ вместо Ф — это элемент сходства с древнерусскими азбуками второго типа.

Азбука, отразившаяся в 3-й редакции Храбра (а именно, фигурирующая в дополнении к основному тексту Храбра), сложилась на болгарской почве; она, конечно, относится к более позднему времени, чем эпоха Храбра. В ее основе лежит уже собственно кириллический алфавит; но в составе и порядке букв усматриваются всё же некоторые следы влияния глаголицы.

Азбука безъеревая; первоначально она содержала букву Ъ (но в дошедшей до нас рукописи вместо Ъ уже стоит г). Буква ц стоит не перед ц, как в глаголице, а в порядке ш — ь — ц (т. е. таком же, как в кириллической части Мюнх. абeced.). Этот порядок отличается от древнерусских азбук, содержащих ц (где мы всегда находим ш — ц — ь), но соответствует перечню букв в 1-й редакции Храбра (а именно, отрезку ш ѡ ѣ шь); см. разбор этого вопроса в разделе о глаголице. Конечная часть алфавита в рукописи представлена искаженно (е — ю — е); она несомненно восходит к ѡ — ю — а. Но сам этот ряд несет явные следы глаголицы, а именно, в нем нет буквы ж. Глаголическим является также порядок і — и. Вполне естественно отсутствие буквы ы. Более оригинальная черта этой азбуки — отсутствие ѡ; ср. берестяную азбуку № 591.

ЗАМЕЧАНИЯ О РУССКИХ АБЕЦЕДАРИЯХ БОЛЕЕ ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ

§ 21. Не рассматривая здесь сколько-нибудь подробно вопроса о русских абecedариях последующей эпохи (XV—XVII вв.), отметим лишь, что в эту эпоху, наряду с многочисленными анонимными азбуками, появляются также азбуки, имеющие авторов — созданные видными филологами или мастерами печатного дела. Иначе говоря, возникает тип н а у ч н о г о абecedария, где автор ставит своей целью охватить все реально используемые на практике графемы. Особенно четким стимулом к именно такой постановке задачи оказываются потребности печатного дела.

Соответственно, появляются абecedарии гораздо более длинные, чем все те, что бытовали в прежние века. Часть от а до т сохраняется в них, правда, практически в том же виде, что в древнерусских азбуках второго типа. Отличие лишь в том, что в некоторых поздних азбуках (например, у Ивана Федорова, Зизания, Симеона Полоцкого) буква земля «расщепляется» на две графемы: з и з (порядок которых у разных авторов разный).

Место после т в разных азбуках занимают ъ, у или оу. В большинстве азбук, впрочем, после т фигурируют сразу две из этих графем; встречаются варианты: ъ — у, у — ъ, ъ — оу, оу — ъ.

Последующий отрезок практически устойчив: это ф х ѿ ц ч ш щ з ы ь ѣ. Отличие от древнерусских азбук второго типа (старшей разновидности) здесь только в том, что перед х всегда стоит ф. В некоторых азбуках (очень немногих) вместо одного ѿ стоят ѿ и ѡ.

Основной массив новшеств сконцентрирован на отрезке после ѣ. Этот отрезок начинается буквой е (обычно в виде ё); за ней следует ю. Далее идут еще от 6 до 12 букв, состав и порядок которых варьирует чрезвычайно сильно. Самый короткий из таких наборов записан у Фенне (1607): ж а ѝ ѡ ѣ в. Вот некоторые другие примеры. Иван Федоров (1574): ѡ, о, а, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ. Зизаний (1596): ж, ѡ, ѡ, о, а, ѝ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ. Симеон Полоцкий (1679): ж, ѡ, а, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ. Встречаются наборы, где фигурируют и некоторые другие графемы (в частности, е, а, ѡ).

Эти разросшиеся алфавиты действительно соответствуют книжной практике XV—XVII вв., когда побеждает ориентация не на адекватную передачу звучащей речи, а на усложненное письмо с большим количеством графем-омофонов и изощренными правилами их распределения, учитывающими, в частности, грамматическую форму, значение слова, его происхождение и т. п.

Конец этой эпохи знаменует петровская реформа, устраняющая из гражданской азбуки буквы ѡ, ѿ, ѡ, ж, е, ѡ, ѡ, заменяющая ѡ и а буквой я и вводящая букву э. Завершает эту перестройку реформа 1917—1918 гг., отменяющая буквы ѣ, ѡ, ѡ, ѡ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 22. Из букв, имевших реальное хождение в XI—XIV вв., полезно выделить список, включающий все буквы, у которых нет омофонов, и по одной букве от каждой группы омофонов. Условимся трактовать как омофоны в числе прочих также е, е и ю, а и ѡ, о, о и ѡ, хотя в принципе существовали такие школы письма, где эти буквы использовались не как омофоны. Исключим «составные» ѿ, ѝ, ѡ. Получается следующий «фундаментальный набор»: а б в г д е ж з и к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ з ы ь ѣ ю а (31 буква). Примечательно, что он почти совпадает (если отвлечься от деталей начертания) с современным русским алфавитом: нет лишь поздних букв ё, ѡ, э, лишнее — только ѣ.

Вне этого набора остались: а) буквы (и диграфы), омофоничные членам данного набора, — ю, е (ср. е), з, ж (ср. з), и (ср. и), ѡ, о (ср. о), ѡу, ѡ, ж, ж (ср. у), ѡ (ср. ѡ), ѡ (ср. ѡ), ѡ (ср. ѡ), ѡ (ср. ѡ), ѡ (ср. ѡ); б) ѿ, ѝ, ѡ.

Рассмотрим, как изменяется состав древнерусских абecedариев во времени, сравнивая важнейшие из них с «фундаментальным набором» (Софийскую азбуку, как не связанную с линией развития, отраженной всеми остальными азбуками, оставляем в стороне). Условимся не принимать во внимание случаи взаимных замен (на одном и том же алфавитном месте) букв-омофонов (у — ѡу — ѡ; ф — ѡ; в — ю).

Таблица 3

Абecedарии	Количество букв	По сравнению с «фундаментальным набором» (из 31 буквы):	
		недостаёт	лишние
№ 591 (1 пол. XI в.)	31 или 32 ¹³	џ, њ, њ	ѡ, ѣ, ѥ (возможно, еще 1)
№ 778 (1 четв. XIII в.)	33	џ, њ, њ	ѡ, і, ѡ, ѣ, ѥ
№ 460 (посл. четв. XII в.)	34	њ, њ	ѡ, і, ѡ, ѣ, ѥ
Основные азбуки второго типа (XIII–XIV вв.)	36	—	ѡ, і, ѡ, ѣ, ѥ

Из таблицы 3 непосредственно видно, что: а) количество букв в абecedариях со временем постепенно увеличивается; б) недостающие в абecedариях буквы из «фундаментального набора» одна за другой включаются в абecedарии, и в XIII–XIV вв. этот набор уже входит в их состав целиком; в) количество лишних по сравнению с «фундаментальным набором» букв со временем почти не меняется; очень мало меняется также их состав.

Видно, таким образом, что на протяжении XI–XIII вв. происходит процесс постепенного приспособления азбук к практике адекватной с фонологической точки зрения записи древнерусского текста. Правда, этот процесс односторонен: в азбуку включаются недостающие буквы, но как правило не исключаются стоящие в ней по традиции буквы, с данной точки зрения излишние.

Все дошедшие до нас древнерусские азбуки охватывают инвентарь букв, реально употреблявшихся в соответствующий период на практике, неполно. Многие буквы фигурируют лишь в части азбук. Некоторые не входят ни в одну из них; таковы: а) йотированные буквы, кроме ѡ, — ѣ, ѥ, ѥ; б) е, о.

Таким образом, в обучении грамоте абecedарии могли играть лишь роль фундамента. Остальное довершала практика: в процессе чтения обучавшиеся убеждались в том, что существуют и некоторые другие, еще не изученные ими буквы. Вероятно, эти дополнительные буквы осваивались разными людьми в разной степени: одни постепенно научались правильно ими пользоваться и включали их в свой активный фонд, другие умели лишь их опознавать. Так, если взять в качестве примера букву њ в XI–XII в., то первые в результате писали по двуровой системе, вторые — по одноеровой.

Можно, конечно, предположить, что наряду с известными нам ныне типами абecedариев в древней Руси существовали и другие, более полные, которые до нас не дошли; например, что уже в XI в. бытовали также азбуки, где были и њ, и џ. Исключать такую возможность нельзя. Однако имеющийся материал заставляет всё же думать, что если такие азбуки и существовали, то они имели лишь ограниченное хождение. В частности, ныне известные древнерусские абecedарии, содержащие њ и џ (т. е. азбуки второго типа), не могут быть точными копиями намного более древних оригиналов: в них на местах, занимаемых в ранних азбуках буквами ф, оу, ж, уже стоят ѡ, у, ѣ; между тем

в практике письма эти новшества получают заметное распространение лишь примерно с середины XII в.

Какое значение могут иметь древнерусские абecedарии для проблемы первоначального состава кириллицы?

Эволюция древнерусских абecedариев показывает, что они пополняются, хотя и медленно, недостающими буквами, но почти не теряют излишних, которые в их состав уже попали. Поэтому маловероятно, что азбука № 591 — это результат редукции некоего значительно более полного алфавита. Между тем она отделена всего 100—120 годами от эпохи царя Симеона (893—927 гг.), когда, как часто предполагают, был сформирован кириллический алфавит. Состав возникшего тогда алфавита может быть только предметом гипотез. Например, возможна гипотеза о том, что он был построен почти изоморфно глаголице и тем самым практически полон. Но если это так, то абecedарий № 591 не может рассматриваться как его наследник; он должен быть возведен к какой-то другой традиции — одноеровой и лишенной буквы щ.

На наличие разных кириллических традиций указывает также разный порядок букв щ и ъ, с одной стороны, в Мюнх. абeced. и в 3-й редакции Храбра, с другой — в древнерусских абecedариях.

Таким образом, хотя оснований для категорических суждений здесь и сейчас недостаточно, показания древнерусских абecedариев всё же явно дают аргументы против гипотезы о сложении полного и единого состава кириллического алфавита в едином месте и в короткое время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Совершенно загадочна буква **ѡѢ** у Храбра. Для нее не предложено до сих пор никакого убедительного объяснения. Обычно ее считают результатом какого-то искажения или просто случайной вставкой. Позволим себе высказать — без всякой настойчивости — еще одно вольное предположение: не составляет ли запись **ѡѢ Ѣ** сложного обозначения для единой буквы? (Напомним, что в списке Храбра один элемент лишний). В южнославянской традиции **ь** иногда называют «малым ером», подобно тому, как **▲** называется «малым юсом». Не стоит ли за **ѡѢ Ѣ** обозначение типа *мьнии Ѣ* 'меньший ер'?

² Абecedарий Дивиша позволяет предполагать, что в некоторых традициях эту роль в кириллице исполнял знак **Ѣ**.

³ В сакральных целях могла использоваться и просто начальная часть азбуки (как, например, Преславский абecedарий, содержащий только буквы от а до п). Но, конечно, азбука с началом и концом выполняла эту функцию несравненно более выразительно.

⁴ Это показывает, в частности, что, хотя писавший знал число 27, он не связывал его жестко с цифровым рядом: в противном случае он не опустил бы знаков для 'б', '90' и '900'.

⁵ Представляет несомненный интерес отмеченная С. А. Высоцким (1985: 119—120) параллель между набором собственно славянских букв Софийской азбуки (б, ж, ш) и сообщением персидского писателя конца XII в. Фахр-ад-дина Мерверудди о том, что хазарский алфавит происходит из алфавита русов и состоит из 22 букв, из которых

19 греческих и 3 специальных: б, дѣ и ш. Этот вопрос заслуживает более основательного дополнительного исследования.

⁶ Ситуация, конечно, выглядела иначе с точки зрения грека (поскольку более трети кириллического алфавита составляли неизвестные ему буквы); но для нашего разбора это не имеет значения.

⁷ Позднее С. А. Высоцкий (1985: 120) тоже допустил возможность интерпретации этой буквы как ψ.

⁸ Ср., в частности, подробный разбор вопроса о ѣ и њ в берестяной грамоте № 105 (2 пол. XII в.) в НГБ 1984–89: 131–132.

⁹ Такое начертание выступает в роли ш также в абecedарии Дивиша (см. табл. 1).

¹⁰ Неясно лишь, как обстояло дело с этими буквами в блоке цер XIII в.: если там не было каких-то пропусков, то для одной из этих трех букв недостает места.

¹¹ В азбуке Ст. Р. 25 частично сохранена традиция азбук первого типа: за ѣ следует ж (имеющее здесь вид ж).

¹² В блоке цер XIII в., может быть, произошла перестановка букв ѣ и ю.

¹³ С учетом случайно пропущенных; 31 или 32 — в зависимости от того, была ли в исходном составе буква і.

ЛИТЕРАТУРА

- Бэкклунд 1942 — А. Bäcklund. «Das Stockholmer Abecedarium», *Språkvetenskapliga Sällskapet i Uppsala Förhandlingar*. Uppsala 1940–1942, Bilaga C. P. 115–149 + 1 pl.
- Бэкклунд 1976 — А. Bäcklund. «Das Stockholmer Abecedarium», *Slavica Lundensia*, 4. Astrid Bäcklund-Ehler in memoriam (1908–1976). Lund, 1976.
- Высоцкий 1966 — С. А. Высоцкий. *Древнерусские надписи Софии Киевской. XI–XIV вв.* Вып. I. Киев, 1966.
- Высоцкий 1976 — С. А. Высоцкий. *Средневековые надписи Софии Киевской. XI–XVII вв.* Киев, 1976.
- Высоцкий 1985 — С. А. Высоцкий. *Киевские граффити XI–XVII вв.* Киев, 1985.
- Гальченко 1997 — М. Г. Гальченко. *Надписи на древнерусских иконах XII–XV вв.* М., 1997.
- ДНД — А. А. Зализняк. *Древненовгородский диалект*. М., 1995.
- Дурново 1929 — Н. Н. Дурново. «Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов», *Vyzantinoslavica*, гоџн. I. Praha, 1929. S. 48–81.
- Дурново 1930 — Н. Н. Дурново. «Мюнхенский абecedарий», *Известия АН СССР*, 1930. Отд. гуманитарных наук, с. 211–221.
- Каталог ЦГАДА — *Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР*. Ч. 1–2. М., 1988.
- Куев 1974 — К. М. Куев. *Азбучната молитва в славянските литератури*. София, 1974.
- Медынцева 1978 — А. А. Медынцева. *Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. XI–XIV века*. М., 1978.
- Медынцева, Попконстантинов 1984 — А. А. Медынцева, К. Попконстантинов. *Надписи из круглой церкви в Преславе*. София, 1984.
- НГБ 1953–54 — А. В. Арциховский, В. И. Борковский. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.)*. М., 1958.

- НГБ 1955 — А. В. Арциховский, В. И. Борковский. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.)*. М., 1958.
- НГБ 1977–83 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.)*. Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.
- НГБ 1984–89 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.)*. М., 1993.
- Попконстантинов, Кронштайнер 1994 — К. Popkonstantinov, O. Kronsteiner. «Старобългарски надписи. I. Altbulgarische Inschriften», *Die Slavischen Sprachen*. Bd. 37. (Salzburg), 1994.
- Славянские древности — *Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н. И. Толстого*. Т. 1. М., 1995.
- Соболевский 1910 — А. И. Соболевский. «Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии», *Сб. ОРЯС*. СПб., 1910. Т. 88, с. 1–287 (и отд. изд. — СПб., 1910).
- Тарнанидис 1988 — I. C. Tarnanidis. *The Slavonic manuscripts discovered in 1975 at St Catherine's Monastery on Mount Sinai*. Thessaloniki, 1988.
- Трубецкой 1930 — N. Trubetzkoy. «Das Münchener slawische Abecedarium», *Byzantinoslavica*, гоџн. II. Praha, 1930.
- Трубецкой 1954 — N. S. Trubetzkoy. *Altkirchenslavische Grammatik*. Wien, 1954.
- Ягич 1895 — И. В. Ягич. «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке», *Исследования по русскому языку*. Т. I. СПб., 1885–1895, с. 287–1067.
- Ягич 1911 — И. В. Ягич. «Глаголическое письмо», в кн.: *Энциклопедия славянской филологии*. СПб., 1911, с. 51–262. Табл. I–XXXVI.
- Янин 1984 — В. Л. Янин. «Новгородские азбуки», *Palaeobulgarica / Старобългаристика*. 1984, № 1.